

Прошло три дня с тех пор, как мы с Каору пообедали в кафе. Я сидела на краю кровати, прижав колени к груди и играя с мобильником. Мои ладони были слегка потными, несмотря на включенный кондиционер, что, возможно, означало, что я волновалась куда сильнее, чем я думала. Я открыла список контактов и пролистала вниз, пока не нашла имя Каору, а затем глубоко вздохнула.

— ...Давай. Ты сможешь.

Я нажала на кнопку звонка. И начала ждать.

Тремя днями ранее я купила последний выпуск Ежемесячного Джорно в ближайшем книжном магазине и узнала, что проиграла в весеннем конкурсе. Хотя, если честно, я понимала, что моя работа была недостаточно хороша, чтобы выиграть, так что это не принесло мне сильного разочарования. В каком-то смысле это помогло мне сосредоточиться на экспедиции в Туннель Урашимы и посвятить ей всю себя без каких-либо сомнений.

Вскоре после этого мне позвонил человек, представившийся редактором журнала. Быстро подтвердив мои данные, он выразил свои соболезнования о том, что я проиграла в конкурсе, а затем сказал, что он заметил «некую искру» в моей работе. Да, это сложно назвать похвалой, однако этого было достаточно, чтобы заставить меня ненадолго пуститься в пляс. Радость длилась недолго, так как он продолжил разговор, сухо перечисляя недостатки в моей работе. Нельзя делать то, здесь следовало сделать другое, почему ты не сделала третье и так далее. Я изо всех сил старалась ответить на его вопросы, несмотря на растерянность, и в конце концов он предложил как-нибудь встретиться, чтобы обсудить детали, а затем повесил трубку. Звонок продлился больше тридцати минут, однако для меня он пролетел в мгновение ока.

А затем я кое-что осознала: я должна сделать выбор. Воспользуюсь ли я этой возможностью работать над мангой профессионально, или же, несмотря ни на что, отправлюсь в Туннель Урашимы ради некой высшей цели? Это был весьма сложный выбор. Безрезультатно поломав над этим голову, я решила спросить совета у Каору. К сожалению, эта встреча также не принесла плодов. Мы лишь отложили экспедицию, и теперь я обязана принять окончательное решение, прежде чем задержу его еще больше. Я проводила в раздумьях каждый божий час. Спустя три дня, утром четвертого августа, я наконец-то сделала выбор.

Я решила отправиться в Туннель Урашимы. Я не могу бросить Каору. Поэтому я решила действовать. Во-первых, я позвонила редактору и дала ему знать, что ценю его предложение, но мне придется вежливо отказаться по личным обстоятельствам. Я приготовилась давать долгие объяснения, но он лишь сказал «хорошо», даже не спросив об этих самых обстоятельствах. Я была рада, что звонок прошел гладко, однако это заставило меня задуматься, был ли весь этот разговор о моем «потенциале» зазубренным текстом, который он читает всем новичкам, что, если честно, вызвало у меня весьма неприятные чувства. По крайней мере, теперь у меня не осталось никаких сомнений. Я хотела как можно скорее поделиться этой новостью с Каору, поэтому, сделав глубокий вдох, я набрала его номер. Как вдруг...

— Абонент временно недоступен. Либо он отключен, либо находится вне зоны действия сети.

Либо у него разрядился телефон, либо у него нет связи. Учитывая, насколько сотовая связь в Козаки ужасна в целом, я склоняюсь ко второму. Мой телефон терял сигнал, когда я ехала на автобусе по главной дороге, так что это не было чем-то необычным. Однако по какой-то причине у меня возникло сильное чувство тревоги. Подождав три минуты, я позвонила снова.

— Абонент временно недоступен. Либо...

Я подождала еще три минуты.

— Абонент временно недоступен./

Я подождала полчаса.

— Абонент временно...

Я встала с кровати.

Не может быть. Он бы не стал этого делать.

Один за другим мне в голову начали приходить наихудшие варианты развития событий, и я начала медленно тонуть в сомнениях. Мой живот сводило все сильнее и сильнее, а дыхание становилось все более неровным. Я мигом позвонила Кохару.

— Привет, че как?

— Кавасаки? Ты знаешь, где находится дом Тоно-куна? Если да, то не могла бы ты сказать?

— Э? Да, я знаю, где он живет. А почему ты спрашиваешь?

— Прости, я не могу сейчас объяснить. Можешь просто сказать мне, где это? Это очень срочно.

— К-конечно, без проблем. Э-э-э, давай я отправлю тебе сообщение с его адресом, а дальше ты уже сама?

— Супер, спасибо.

Я сбросила звонок, и вскоре после этого мне пришло сообщение от Кохару. В нем был адрес Каору, а также небольшой текст, в котором говорилось, что она беспокоится обо мне, и что нам надо поговорить. Мне хотелось лучше ей все объяснить, но у меня правда не было времени. Я схватила кошелек, надела в прихожей сандалии и выбежала через входную дверь. Пока я бежала по подъезду, я проверила в телефоне расписание поездов, идущих до станции, находящейся рядом с домом Каору. Судя по всему, следующий поезд приедет как минимум через час.

Боже, как же я ненавижу жить в глуши.

Я подбежала к своему велосипеду, стоящему на велосипедной парковке, и перекинула через него ногу, а затем умчалась в сторону района Каору. Дорога до его дома была прямой, и лишь где-то в середине пути мне нужно будет подняться по крутому подъему. И хоть я и уверена в своей физической подготовке, но холмистые сельские дороги могут быть весьма изнурительными. Неровные дороги медленно истощали мою выносливость, отчего все мое тело покрылось потом. Волосы постоянно лезли мне в глаза, пока я ехала вверх по крутому склону. И, когда я наконец-то достигла вершины холма, мне открылся вид на океан. Это великолепный вид, но у меня нет времени наслаждаться им, поэтому я умчалась вниз по обратной стороне холма. Проехав мимо старого пожарного участка, над гаражом которого находится старая сигнализационная лампочка, я увидела большой старомодный дом. Туда мне и надо.

Я припарковала велосипед рядом с участком и опустила подножку, а затем побежала к дому, чтобы позвонить в дверной звонок. Спустя где-то минуту ожидания дверь открылась, и из-за нее показался мужчина в возрасте, почесывающий одной рукой поясницу. Полагаю, это отец Каору, хотя они совершенно не похожи друг на друга.

— Привет... Я могу чем-то помочь? — спросил он.

— Здравствуйте. Я... Я одноклассница вашего сына. Он дома?

Мужчина прекратил чесать поясницу и взглянул на меня с подозрением.

— Нет... Боюсь, его сейчас нет дома.

— И как давно он ушел?

— Э-э-э... Вроде как позавчера?

Я почувствовала, как от моего лица отлила кровь. На ее место пришла очередная волна тревоги и спешности.

— Куда он ушел?! Пожалуйста, Вы должны мне сказать!

— Черт его знает. Наверное, он остался у друга. Он в последнее время зачастил с этим.

— ...Хорошо. Спасибо за помощь, — быстро откланявшись, я рванула обратно к велосипеду.

Если он пропал на два дня, то это может означать лишь одно...

Я изо всех сил попыталась избавиться от этой ужасающей мысли. Нет смысла нервировать себя еще сильнее. Мне просто нужно спешить. И молиться.

Пока я, изо всех сил крутя педали, ехала в сторону Туннеля Урашимы, я ощутила что-то мокрое на своей щеке. Подумав, что это капелька пота, я вытерла ее, после чего за ней сразу же последовали еще десятки капель.

О боже.

Полил дождь. А ведь всего лишь минутой ранее погода была такой приятной. Моросящий дождик быстро перешел в полноценный ливень, из-за чего я промокла с головы до пят. С каждым оборотом педалей я чувствовала, как мокрая одежда раз за разом прилипает к моей коже, а затем отлепляется. Затем, даже не успев осознать это, я начала плакать, и я не была до конца уверена почему. Наверное, просто не могла больше сдерживаться. И тем не менее я продолжала крутить педали так быстро, как только мои ноги позволяли. Даже когда в них появилось жжение. Даже когда боль стала настолько сильной, словно я вывихнула обе лодыжки. Я просто продолжала крутить педали.

— Тоно-кун... Пожалуйста!..

Спустя, как мне показалось, вечность, я наконец-то оказалась перед входом в Туннель Урашимы. Я бросила велосипед на дороге и пробежала оставшийся путь на босых ногах, так как сандалии слетели где-то посреди пути. Мои стопы стонали от боли из-за того, что их пронзили сотни маленьких камушков. Я должна найти Каору как можно скорее, поэтому я стерпела боль и забежала в туннель.

Пройдя немного глубже, я заметила на земле стеклянную бутылку. Присмотревшись, я увидела внутри нее небольшой лист бумаги.

Послание в бутылке?

Скорее всего, Каору оставил это для меня, поэтому я подобрала бутылку и вынула пробку. И конечно же, внутри нее оказались сложенные тетрадные листы, исписанные карандашом. Я вытерла руки от капель дождя и пота о свою одежду, чтобы не испачкать бумагу, а затем начала медленно и внимательно читать записку.

Для Андзу Ханаширо.

Если ты читаешь эту записку и тебя зовут не Андзу Ханаширо, пожалуйста, положи ее обратно в бутылку и верни бутылку туда, где нашел. Хотя, с другой стороны, я сомневаюсь, что кто-то кроме нее забредет сюда и наткнется на эту бутылку, так что я продолжу писать, предполагая, что читает записку именно Андзу Ханаширо.

Во-первых, я должен перед тобой извиниться. Прости меня за то, что я отправился в туннель без тебя. Наверняка, ты чувствуешь себя преданной. Да че уж там, я не стану винить тебя, если ты меня вовсе никогда не простишь. Но я буду очень признателен, если ты хотя бы прочитаешь эту записку до самого конца, прежде чем навсегда забыть обо мне.

Что ж. Уверен, ты гадаешь, почему я решил оставить тебя позади и войти в туннель один. Что ж, сейчас я об этом и расскажу. Вкратце: я думаю, что тебе нужно воспользоваться возможностью стать профессиональной мангакой. Что бы ты ни хотела найти в этом туннеле — тебе это не нужно. Что тебе действительно нужно — так это стать именитой мангакой и как можно скорее. Та история, что ты написала, была захватывающей, и она заслуживает того, чтобы ее прочитало гораздо больше людей, а не только я. Признаюсь, сначала я был немного удивлен услышать, что они готовы назначить тебе личного редактора. Но, если честно, учитывая то, насколько ты хороша, с их стороны было бы очень глупо не сделать этого. Ты заслужила это. И я говорю это со всей серьезностью.

Но ты и сама знаешь, что тенденции манги меняются весьма быстро, так ведь? Почти все, что популярно сегодня, будет считаться устаревшим через четыре или пять лет, и сложно сказать, останется ли манга, тронувшая сегодняшних читателей, популярной и в будущем. Мне кажется, что вкусы читателей меняются и взрослеют вместе со всей индустрией. Но не то чтобы я в этом эксперт. Я лишь пытаюсь сказать, что мне действительно кажется, что тебе нужно как можно скорее дебютировать в качестве мангаки. И я уверен в этом. Если ты правда считаешь мангу своим призванием, то тебе не стоит тратить впустую еще больше времени, гоняясь со мной за иллюзиями. У тебя есть талант, и с ним ты сможешь исполнить свою мечту.

На этой ноте я хочу сказать еще кое-что. Помнишь, ты сказала мне, что причина, по которой ты так стремишься исследовать Туннель Урашимы в том, что ты «хочешь стать кем-то экстраординарным»? И, ну... если это и правда твоя мечта, то я не стану тебя упрекать. Хотя, если честно, я не уверен, что тебе и правда нужно гоняться за экстраординарностью. Потому что ты мне кажешься девчонкой, которая более чем способна найти счастье и прожить жизнь на полную обычными способами. Конечно, я понимаю, что мы знакомы всего лишь месяц, но мне все равно кажется, что я узнал тебя чертовски хорошо за этот короткий промежуток времени.

Когда ты изо всех сил держалась за мою футболку во время нашей первой ночной экспедиции в туннель, я увидел, насколько ты можешь быть напуганной и уязвимой. Когда ты показала мне свою мангу и я разошелся в словах о том, какая она великолепная, я увидел, насколько ты можешь быть радостной, когда узнаешь, что ты написала действительно стоящее произведение. Когда мы вдвоем пошли на фестиваль, я увидел, насколько с тобой может быть весело, когда ты расслабляешься и веселишься от души. И когда я сказал тебе, какой ты мне кажешься красивой, что было сказано от чистого сердца, я увидел, насколько милым и красным может стать твое лицо, когда ты смущаешься.

Хочешь узнать, какая мысль пришла мне в голову первой в каждом из этих случаев? «Ух ты, глубоко внутри она и правда обычная девочка». Да, я понимаю, что для тебя это, возможно, самое ужасное оскорбление, которое только можно себе представить. Не дай боже, чтобы кому-то хватало быть обычным, да? Но, как я уже сказал, я правда не пытаюсь упрекать тебя. Я всего лишь хочу, чтобы ты хорошо над этим подумала. Над тем, чего ты хочешь от жизни на самом деле.

Если ты воспользуешься моим советом и решишь не заходить в туннель, то знай, что я не надеюсь, что ты будешь ждать меня. Я хочу, чтобы ты завела тонну новых друзей, жила на полную и смеялась так сильно, что у тебя каждый день будет болеть живот. Я хочу, чтобы ты написала мангу своей мечты и показала всему миру то, насколько ты великолепная мангака. И, когда я наконец-то выйду отсюда, я надеюсь, что смогу увидеть твое имя в одном ряду с самыми великими мангаками. Поверь мне, когда я говорю, что искренне не могу дождаться увидеть, какие чудесные истории ты напишешь.

И последнее, что я хочу сказать, если ты все еще не смогла сделать выбор.

Ты уже и так самый экстраординарный человек, которого я когда-либо встречал, Ханаширо. И да, я понимаю, что это не то же самое, как если бы ты оставила след в истории. Но, возможно, имя Андзу Ханаширо не должно значить что-то для каждого человека в этом мире.

Возможно, будет достаточно, если оно будет значить все лишь для одного.

Я проверил наручные часы, продвигаясь по туннелю. Восемнадцать минут после полуночи. Я прошел через первые ворота туннеля ровно в полночь, а это значит, что я пробыл в туннеле почти двадцать минут, что равняется почти месяцу реального времени. Там, снаружи, летние каникулы уже должны были закончиться. Полагаю, Андзу уже, скорее всего, прочитала мое письмо. Учитывая, что она бежит гораздо быстрее меня, тот факт, что я до сих пор не услышал ее шагов, является хорошим доказательством того, что она воспользовалась моим советом и решила не заходить в туннель, что принесло мне облегчение. Огромное облегчение.

Прости, Ханаширо. Прости, что заставил тебя сделать настолько болезненный выбор. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь загладить вину. Я знаю, что у тебя есть чувства ко мне. Я не слепой. А еще я знаю, что также начинаю влюбляться в тебя. Но твои чувства отличаются от моих. Они появились в результате ложного желания сыграть роль трагической героини. Ты жаждешь драмы и эмоционального напряжения, которых, как тебе кажется, тебе не хватает в жизни, и ты думаешь, что сможешь получить их, проводя время со мной, испытывавшим немало утрат. Но ты не получишь их от меня. У меня попросту их нет.

Если ты и правда желаешь стать кем-то экстраординарным, то не трать время на такого безнадёжного неудачника, как я. Просто сосредоточься на лучшей версии того, кем ты можешь стать. Не пытайся гнаться за сверхъестественными короткими путями или трагичной предысторией, которые дадут тебе лишь недолговечную известность или дешевое сочувствие.

Ты должна взяться за ум и подняться по лестнице так же, как и все остальные. Я знаю, что ты ненавидишь делать вещи обычным способом, но я обещаю, что вид с вершины этой лестницы будет гораздо прекраснее, если тебе будет казаться, что ты и правда заслужила его.

И ты точно достигнешь вершины. Я знаю, что ты сможешь.

Просто взгляни на то, сколько времени ты посвятила рисованию манги, никому и никогда не рассказывая об этом, пока ты не встретила меня. Я уверен, что бывали случаи, когда ты чувствовала себя подавлено, потому что сюжет никак не получался таким, каким ты его видела, и думала отложить карандаш навсегда. А может, ты любишь рисовать всем сердцем и ни разу не задумывалась о том, чтобы сдать, и тебе неважно, что говорят другие. В любом случае ты не бросила эту мечту. И теперь твою работу наконец-то признали профессионалы. Как по мне, это кажется чертовски экстраординарным. Гораздо более экстраординарным, чем наткнуться на какой-то магический туннель, так к тому же гораздо более значимо. Так что, пожалуйста, Ханаширо, не дай этой возможности ускользнуть. Живи, пока можешь, потому что никогда не знаешь, что случится завтра. Особенно когда у тебя есть шанс стать кем-то прямо сейчас.

Иди и живи так, как ты действительно хочешь.

И что бы ты ни делала, не смей становиться похожей на меня.

ВСЕГО ПРОШЛО: 1 ЧАС 25 МИНУТ (СНАРУЖИ: 141 ДЕНЬ)

Я резко остановился.

— Э, что за...

Я увидел, что туннель впереди начинает резко идти вверх. Это все еще была прямая дорога, так что думать здесь особо не над чем, но этот подъем безусловно изрядно меня изматывает, отчего мои ноги уже затряслись, словно две веточки. Я не мог позволить себе растянуть связки, особенно так далеко от входа, поэтому решил сделать пятиминутный перерыв, так, на всякий случай. Я уселся на землю и, достав из рюкзака термос, сделал большой глоток воды.

На данный момент я пробежал как минимум десять километров, так что по-хорошему я уже должен был выйти с другого конца туннеля. Тот факт, что я до сих пор не увидел выхода, доказывает, что здесь происходит какое-то искажение пространства-времени. Мне кажется, что я продвинулся весьма глубоко, но если честно, то я понятия не имею, пробежал ли я хотя бы десятую часть всего туннеля. Интересно то, что в этот раз я не наткнулся ни на одну вещь из своего прошлого, которой здесь не должно быть в принципе. Не то чтобы я не был рад этому, однако это начинало меня беспокоить. Все идет слишком гладко.

Забеспокоившись, я проверил наручные часы. С того момента, как я сел передохнуть, прошло всего две минуты, а мне уже хотелось встать и продолжить бежать. Невозможно нормально расслабиться, когда мысль о том, сколько реального времени я трачу каждую минуту, постоянно сидит у меня в голове. Моральное истощение от каждой секунды, проведенной в бездействии, было куда сильнее, чем физическое истощение от бега. Я встал, сделал глубокий вдох, а затем рванул вверх по склону.

ВСЕГО ПРОШЛО: 5 ЧАСОВ 20 МИНУТ (СНАРУЖИ: 1 ГОД, 168 ДНЕЙ)

— Ха-а... Ха-а...

Мой бег замедлился до черепашьего шага. Подошвы моих ботинок громко скребли о каменистый пол туннеля. У меня больше не было никакого представления о том, насколько глубоко я зашел. Я знал лишь о чертовски сильной боли в каждом суставе и мускуле моих ног. Первые три часа, проведенные в туннеле, я выкрикивал имя Карен каждые несколько минут, однако мне больше не хватало на это сил. Мне было тяжело даже продолжать двигаться вперед. На данный момент снаружи уже прошел целый год, однако я так и не нашел ни следа своей сестры. Я видел лишь бесконечное количество бессменных факелов и врат тории. Хотя некоторые изменения все-таки произошли, как, например, крутой подъем. Я даже начинал беспокоиться, что этот подъем будет длиться вечно, но он быстро сменился легкой дорогой вниз, а затем я наткнулся на несколько резких поворотов на девяносто градусов, идущих друг за другом. К этому моменту я совершенно перестал ориентироваться в пространстве и понятия не имел, ушел ли я глубже под землю или наоборот поднялся и изменил ли я направление по горизонтали. К счастью, я еще не наткнулся ни на какие развилки, так что по крайней мере я знал, что все еще продвигаюсь вперед.

— Гр-р-р... Черт возьми...

В моем горле вновь пересохло, а я уже выпил почти половину всей воды, что у меня была. Учитывая, что мне все еще нужно будет пройти обратный путь, мне очень не хотелось пить оставшуюся воду. Почему я решил выбрать в качестве своего единственного источника еды именно CalorieMate*, которые вызывают сильную жажду?

[П/П: CalorieMate — бренд японских энергетических батончиков.]

«Я бы убил за бутылочку холодного Лайфгарда», — подумал я. Тем не менее я продолжил идти, изо всех сил стараясь игнорировать жажду, как вдруг я услышал впереди громкое «бам», словно кто-то перевернул булыжник. Возникшее небольшое чувство дежавю заставило меня резко остановиться. Я знаю, что сейчас что-то произойдет. Перед моими глазами вот-вот появится очередная странность, созданная туннелем. По всему моему телу пошли мурашки, а в ушах начало звенеть.

...Нет. Это не в моих ушах начало звенеть. Это настоящий звук. Звук тысяч шагов и голосов,

один жизнерадостней другого. Однако, как бы я ни старался, их было слишком много, и я не мог разобрать ни единого слова. И тем не менее там есть люди. Люди помимо меня там, впереди. Много людей. Я смочил горло новым слоем слюны и заговорил в темноту.

— Карен?.. Ты здесь?..

Я сделал еще один шаг вперед, но вдруг что-то схватило меня за правую руку, и мое сердце почти выскочило из груди. Напуганный, я обернулся, и моя челюсть отвисла. Это был мой отец.

— Вот ты где, Каору, — сказал он. — Я тебя повсюду искал.

О боже. О боже, о боже, о боже. Теперь я точно попал. Как он вообще, черт возьми, нашел меня?

Мои мысли были поглощены паникой и страхом. Это оказалось для меня таким шоком, что мой мозг все еще пытался понять происходящее.

— Что такое? Выглядишь так, будто призрака увидел. Плохо себя чувствуешь?

Это сразу же привело меня в чувства. В голосе отца не было никакого напряжения. Присмотревшись, я заметил, что на нем была летняя юката, а сам он выглядел гораздо моложе. Что-то здесь было не так. Нет, все было не так. Каким чертом он здесь оказался? Если бы он все это время следовал за мной, то я бы наверняка услышал его шаги или зовущий меня голос. Пока я гадал над этой загадкой, я заметил за отцом зияющую дыру, через которую было видно огромную толпу людей. Судя по всему, это и был источник слышимых мной голосов.

Я попытался собраться с мыслями и рационально проанализировать ситуацию. По обеим сторонам толпы я видел десятки красных бумажных фонарей и ларьков с едой. Словно на другой стороне этого портала внутри Туннеля Урашимы проходит целый фестиваль, а молодая версия моего отца просто забрела сюда с той стороны.

Нет, это невозможно.

Гораздо более вероятным объяснением этому будет то, что все это иллюзия, созданная туннелем. В каком-то смысле это все еще невозможное явление, однако у меня были причины поверить в возможность происходящего, учитывая прошлый опыт.

— Тебе плохо из-за толпы, сынок? Если хочешь, мы можем пойти домой.

Осознание того, что это не тот же отец, которого я оставил позади, принесло мне огромное облегчение. Которое быстро сменилось волной злости. Почему туннель дал мне именно его, а не Карен? Даже если это молодой отец, когда он был куда добрее, я больше не хочу иметь с

ним ничего общего. Я не хочу даже видеть его физиономию. Однако... по какой-то необъяснимой причине у меня возникло странное чувство комфорта и привязанности. Это невероятно раздражало меня, но где-то глубоко внутри часть меня отчаянно жаждала обнять этого мужчину, который является моим отцом, даже если он полностью провалился в этой роли. Это та эмоция, которую, как я думал, я отбросил еще годы тому назад. Я мог выдержать, что он меня игнорирует, или домашнее насилие, будь оно физическим или вербальным, однако этого я выдержать не мог. Я был совершенно сбит с толку. Я стоял, не двигая и пальцем.

— Каору? Ты в порядке, дорогуша?

Затем я услышал другой очень хорошо знакомый мне голос, когда моя биологическая мать выглянула из-за моего отца. Это мать, какой я ее помню еще с тех времен, когда Карен была жива, когда каждый день был божьим даром, и когда мы были идеальным примером счастливой семьи. Она стояла прямо передо мной, улыбаясь мне с той теплотой, которую может дать только мама.

— Ему, кажется, нехорошо, — сказал отец. — Может, газировка взбодрит его?

— Хорошая идея. Мы как раз прошли мимо прилавка с напитками. Тебе ведь нравится Лайфгارد, да, дорогуша?

— Тогда заодно возьми мне пива.

— Ну уж нет. Тебе все еще нужно будет отвезти нас домой...

— Ну, стоило попытаться! Ха-ха-ха...

Нет... Прекрати. Я больше не могу терпеть эту хрень.

— А-а-а-а!

Я закричал изо всех сил, а затем вырвался из рук отца, пока родители были слишком ошеломлены, чтобы хоть как-то отреагировать. Затем я побежал так быстро, как только мог. Они звали меня, но я не оборачивался. Я просто бежал, и в конце концов по моим щекам потекли слезы.

— Черт... Хватит морочить мне голову!

Как я мог не испытывать противоречивые чувства, когда мне показали настолько идиллическую картину из моего прошлого? Казалось, словно Туннель Урашимы намеренно пытается сыпать соль на старые раны. Я сдержал порыв рвоты и продолжил бежать, злобно глядя в глубины туннеля, вытирая с глаз слезы.

Кроме того, насколько бы раздражающим оно ни было, это видение лишь укрепило мою гипотезу об истинной сущности этого туннеля, о которой я догадался в комнате Андзу. Если моя теория верна, то рано или поздно я вновь воссоединюсь с Карен. Поэтому я продолжил бежать, движимый лишь этой мыслью. Если в итоге я смогу снова увидеться со своей сестрой, то все было не напрасно. И это все, о чем я прошу.

ВСЕГО ПРОШЛО: 9 ЧАСОВ 56 МИНУТ (СНАРУЖИ: 2 ГОДА, 263 ДНЯ)

Черт... ЧЕРТ.

Насколько же долгий этот гребаный туннель? Я бежал на протяжении уже почти десяти часов, и я все еще вижу лишь факелы да врата тории. Где, черт возьми, Карен? Сколько времени прошло снаружи? Где-то два с лишним года? Я бы уже закончил старшую школу, останься я снаружи. Даже если я сдамся и поверну назад прямо сейчас, к тому моменту, когда я выйду из туннеля, снаружи все равно пройдет минимум пять лет. Все, кого я знал, либо вот-вот закончат обучение в колледже, либо уже будут строить карьеру. Они будут писать диплом, работать, искать новые хобби и вступать в брак. Я же в это время бегаю кругами во тьме, так ничего и не достигнув за эти пять лет.

У меня почти не осталось воды. Возможно, ее хватит еще на один или два глотка. Мои ноги также начали достигать предела. Каждый шаг посылал в колени острую, жгучую боль. Если я продолжу идти вперед, то я уверен, что у меня не останется сил на обратный путь. Что же мне делать? Повернуть назад? Или же мне следует ухватиться за эту последнюю нить надежды и продолжить двигаться вперед?

— ...Ха-ха.

Я не мог не засмеяться. Это глупый вопрос. Если я поверну назад прямо сейчас, то все мои усилия будут потрачены впустую. Я отдам более пяти лет своей жизни, не получив взамен ничего, в то время как Карен могла быть прямо за следующим поворотом. Или даже ближе. Сдаться сейчас будет самым глупым решением, которое только можно себе представить. Так сделает только полнейший кретин. Я должен продолжать двигаться вперед и верить, что она ждет меня там, впереди.

— Карен! — выкрикнул я уже в который раз грубым, хриплым голосом, вырвавшимся из моей пересохшей глотки. Однако я продолжу звать ее, пока не увижу. Что бы ни случилось, я отказываюсь давать ногам отдых, пока мы с ней не воссоединимся.

Уверен ли я в том, что сделал правильный выбор?

Мог ли я найти себе занятие получше?

Окажется ли все это еще большей тратой времени, когда я на самом деле сдамся?

Я старался не раздумывать над этими вопросами слишком много. Конечно, я был напуган возможными ответами, поэтому отказывался думать о них. А когда я все-таки задумывался, я изо всех сил старался не поддаваться страху. В конце концов, никто не знает, что их ждет в будущем. Все мы бежим во тьме, пока время и смерть медленно настигают нас. Не только я боюсь этой неопределенности. То же самое относится и к Андзу, и к Кохару, и к кому угодно. Мы можем лишь двигаться вперед, сохраняя веру в то, что мы достигнем цели до того, как мир отберет ее у нас. Поэтому, залпом допив остатки воды, я продолжил идти вперед, волоча ноги.

ВСЕГО ПРОШЛО: 14 ЧАСОВ 20 МИНУТ (СНАРУЖИ: 3 ГОДА, 338 ДНЕЙ)

Я поднялся по очередному крутому склону. Я больше не видел перед собой ничего, а плелся я с практически черепашьей скоростью. Я бросил все взятые с собой вещи, даже ботинки. Я больше не собирался рассматривать вариант повернуть назад.

— Гр-р-р...

Я не помню, как долго я уже поднимался по этому склону, но мне казалось, что прошла целая вечность. Это, несомненно, самый долгий подъем, что я когда-либо совершал за всю жизнь.

— Агх...

Боже, как же я вымотался. Все мое тело ныло от усталости, а ноги ощущались так, будто они сделаны из фарша, и способны лишь на то, чтобы после каждого шага посылать сигналы бедствия моим болевым рецепторам. Веки также начинали тяжелеть. Мне нужен сон. Я хочу остановиться и отдохнуть. Уверен, что полежав, я смогу восстановить немного сил и получить необходимый мне отдых от этого бесконечного подъема.

Но я не мог себе это позволить. Я знал, что если я лягу, то существует большая вероятность того, что я никогда больше не встану. Я должен продолжать двигаться вперед и дойти до вершины этого гребаного подъема...

...Но что, если я сдамся? Просто этот подъем кажется практически невозможным, а я почти достиг своего предела. Хотя нет, вру. Я уже давно достиг его. Я пытался всеми известными мне способами забыть о боли, и до сих пор это работало успешно. Однако, даже если я найду Карен прямо сейчас, в этом не будет никакого смысла. У меня не было никакого желания или сил возвращаться домой.

Боже, как же я устал.

Может, мне стоит сдать.

...Но сначала.

Я пройду вперед еще немного.

Так, на всякий случай.

Я пройду еще немного и сдамся, если ничего не найду.

Еще немного.

Еще немного.

Еще... немного...

Я остановился. Не потому что мои ноги наконец-то отказали, но потому что что-то встало прямо у меня на пути. Медленно подняв голову, я увидел старую деревянную дверь. Мое сердце заколотилось. Новая надежда зажглась в моей груди. Я впервые наткнулся на какую-либо преграду или тупик. Карен вполне может быть прямо за этой дверью. А если нет, и на другой стороне меня ожидает очередной подъем... Нет, я не хотел даже думать о том, что такое возможно. Я твердо решил сделать эту дверь конечной остановкой моего путешествия. Если я не увижу за ней свою младшую сестру, то я остановлюсь и отдохну. Взявшись за железную ручку, я надавил на дверь всем своим весом, пытаясь ее открыть, так как в моих мускулах не осталось никаких сил.

— Нгх!

Как только дверь распахнулась, я потерял равновесие и упал на живот, ударившись лбом о землю. Однако я не почувствовал боли, потому что мое падение смягчило мягкое, мерцающее одеяло песка.

— Что?..

С песком на лице, я почувствовал на щеках солнечные лучи. Неужели я наконец-то вышел наружу? Подняв голову, я почувствовал резкий запах морской соли, принесенный подувшим на меня и растрепавшим мне челку ветерком. Насколько бы невозможным это ни казалось, я стоял на песчаном пляже, где перед моими глазами расстился бескрайний океан, чьи воды насыщенного синего цвета, но при этом кристально чистые, простирались до самого горизонта.

Я сел на колени и оглянулся. За мной на берегу стояла старая ветхая хижина. Входная дверь была сделана из того же засохшего дерева, что и та, на которую я наткнулся в туннеле. Однако

за самой хижиной не было никакого туннеля, лишь травянистый луг, покрытый свежей зеленью. Но я не обратил на него много внимания. Та часть моего мозга, что отвечает за осознание происходящего, уже давно вошла в состояние паралича. Единственное, что меня сейчас волнует, это находится ли здесь моя сестра. Потратив все силы, что остались в моем потрепанном теле, я выкрикнул ее имя.

— Карен!

— Сюда-а-а, — ответил мне вялый голос.

Я повернул голову в сторону голоса.

И там, на пляже, я увидел девочку. Завязанные в хвостик волосы свисали из-под кепки. Майка, которая была ей на несколько размеров больше, закрывала джинсовые шорты. Яркие красные сандалики были немного вкопаны в мелкий золотистый песок.

Это она. Карен.

— Ты наконец-то добрался, Каору, — сказала она с улыбкой, которая могла затмить тысячи звезд.

Сразу же мое тело обмякло, а в глазах потемнело, после чего я наконец-то потерял сознание.

Я очнулся от мирного сна. Пока я лежал на спине, легкий ветерок обдувал мое тело, медленно и методично меня направление под тихое жужжание маленького моторчика внутри вентилятора. Подо мной был развернут futon. Когда я попытался слегка повернуть голову, я услышал, как в подушке зашуршали трущихся друг о друга семена гречихи. Сладковатый землистый запах лежащих подо мной татами улаживал мое дыхание. Мне казалось, будто я медленно погружаюсь в бассейн, наполненный вязким жидким комфортом. Я чувствовал, как эти очищающие воды изгоняли из моего тела всю усталость и стресс. Я хотел остаться здесь навечно, никогда не просыпаясь... И если честно, разве я не заслужил этого? Я так долго надрывал свою задницу, так что не думаю, что кто-то станет винить меня за это.

Какой же приятный ветерок... Погодите. А ради чего я надрывался?

— А, точно!

Как только я вспомнил о своей цели, я мигом сел в кровати. На другой стороне открытой двери я увидел веранду, за которой находился океан. Я осмотрелся. Я лежал в центре комнаты, пол которой был покрыт выцветшими на солнце татами, а в алькове висел свиток, на котором был нарисован успокаивающий горный пейзаж. Я уже бывал в этой комнате. И не раз...

А ну минуточку.

— Я вернулся домой?..

Как такое возможно? Я до полусмерти загонял себя, пытаюсь пройти через Туннель Урашимы, а теперь я крепко сплю в собственном доме? На мне также была другая одежда, а не та, в которой я вошел в туннель. Сейчас на мне были потрепанная старая футболка и какие-то шорты. Может... все это просто сон? Неужели Туннеля Урашимы в принципе никогда не существовало? Нет, этого не может быть. Я бы никогда не уснул в гостиной вот так. Кроме того, есть две вещи, которыми эта комната разительно отличается от гостиной в моем доме. Во-первых, из моего дома вообще не видно океана, лишь заросший задний двор и стоящую за ним гору. Во-вторых, здесь не хватает кое-чего очень важного: алтаря Карен. Его нигде не...

— О! Ты проснулся! — сказал голос.

Голос, принадлежащий моей младшей сестре Карен.

Она подбежала ко мне, топая босыми ногами по татами.

— Вот надо тебе было так внезапно потерять сознание! Мне пришлось в одиночку тащить тебя сюда. Ты стал очень тяжелым, знаешь ли.

Она стояла прямо передо мной. Она говорила, смеялась. Ни лицо, ни голос нисколько не повзрослели с того дня, когда я видел ее в последний раз, когда ей было десять лет.

— Ты был весь потный, так что я передела тебя в чистую одежду! Ты у меня в долгу, приятель! — Карен уперла руки в бока и надула щеки, встав в свою фирменную обиженную позу. — Эй, ты меня вообще слушаешь?!

Она поднесла свое лицо к моему, и я наконец-то пришел в себя.

— К-Карен? Это... правда ты? Т-ты же не просто... галлюцинация или что-то подобное, да? — выпалил я, запинаясь через слово.

— Как грубо! Почему бы тебе не взглянуть самому? Вот! — Карен плюхнулась на колени и схватила меня за руку, а затем приложила мою ладонь себе к щеке. Ее лицо было мягким и теплым, но что важнее всего — несомненно настоящим. — Видишь?

Карен улыбнулась и задрала нос, ожидая моего согласия, так что я сделал небольшой кивок. Она точно не была иллюзией, но все это было таким внезапным, что я еле успевал понять происходящее. Сначала я увидел Карен во плоти, а затем проснулся в этой странной версии моего дома из альтернативной вселенной... В попытке обработать эту невозможную информацию мой мозг начал плавиться, отказываясь признавать что-либо из этого реальным.

Поэтому я просто сидел, ошеломленно смотря на Карен, пока из моего живота не вырвалось громкое урчание.

— О? Ты голоден, Каору?

— Не, не беспокойся об этом. Не то чтобы я...

И только я собирался сказать «умираю с голоду», я почувствовал резкую боль в пустом животе и сильную жажду в глотке. Я смог ненадолго забыть о них лишь благодаря шоку и замешательству от всего происходящего. Я бы сейчас слона съел, а также мне нужна вода. Срочно. Последние несколько часов, проведенные в туннеле, я бежал, не выпив ни капли воды.

— П-прости, Карен... но не могла бы ты принести мне чего-нибудь попить?

— Конечно. У нас есть большой выбор. Что хочешь?

— Да что угодно... только принеси побольше...

— Что угодно, говоришь? Хм-м-м... Ну ладно! — ответила она бодро, а затем встала и торопливо направилась на кухню. В это время у меня немного разболелась голова, поэтому я начал активно потирать виски. В мой бедный мозг поступало слишком много информации, и он не успевал ее обрабатывать. Я понятия не имею, с чего мне даже начать. И, пока я смотрел пустым взглядом на океан, я услышал высокое механическое жужжание, идущее с кухни. Карен, должно быть, включила блендер. Что она там решила мне намешать?

— Все, готово! — Карен зашла в комнату с большой кружкой и съемным кувшином от нашего старого блендера. Внутри него находилась густая беловатая жидкость.

Погодите-ка, это же...

— Ты сделала банановый сок?

— Агась!

Она триумфально приподняла кувшин, улыбаясь до ушей, в то время как болтающаяся внутри жидкость чуть не вылилась за края. Это навеивает воспоминания. Раньше мы с ней часто делали банановый сок, однако, с тех пор, как она умерла, я ни разу не делал его, пользуясь удобным оправданием, что мыть блендер — та еще морока.

— Держи, Каору!

Я почувствовал сладкий запах банана, когда взял у Карен кружку, а затем выпил ее содержимое. В нашей семье мы всегда добавляли тонны молока на каждый банан, так что напиток получался очень нежным. Я залпом выпил всю кружку, ни разу не убрав ее от своих губ, пока не выпил все до последней капли.

— Фух...

Все, что я мог сделать, это удовлетворенно вздохнуть. Я не уверен, оставался ли я хоть когда-то настолько доволен выпитым напитком. В моем горле все еще чувствовалась сладковатая благодать. Когда я решил налить себе еще одну кружку, я услышал с кухни звон микроволновки, закончившей разогревать еду.

— Ура! Еда готова.

— Мы будем есть?

— Ага. Ну, точнее, ты будешь. Но приготовила ее я! Иди жди в зал, я сейчас все принесу, — Карен снова убежала на кухню.

Ух ты, малышка Карен теперь сама готовит еду, да?..

Мне это показалось очень странным, однако я все равно вылез из футона и направился в зал, прихватив с собой кружку и кувшин. На стоящем там низком обеденном столике я увидел большую миску с лапшой быстрого приготовления, а также три выставленных в ряд разогретых в микроволновке онигири. Карен сидела на одной из напольных подушек и смотрела на меня с гордостью. Я не смог сдержать улыбку.

Да, примерно этого мне и стоило ожидать.

— Ну, наслаждайся!

— Спасибо...

Я сел рядом с Карен, взял палочки для еды, хлопнул в ладоши, а затем принялся за лапшу. Я макнул хрустящую темпуру в бульон, давая ему впитать аппетитный вкус креветки, после чего надкусил ее. Затем я попробовал лапшу. Обычно такой вкус был бы для меня слишком насыщенным, однако при моем нынешнем состоянии он подобен нектару богов. Мои вкусовые рецепторы наслаждались каждой каплей солоноватого бульона.

Не припомню, чтобы все это было настолько вкусным...

Я продолжал поспешно заглатывать лапшу, останавливаясь только для того, чтобы откусить

немного онигири, либо чтобы охладить рот глотком бананового сока. Признаю, данный напиток не очень хорошо сочетается с подобной едой, но я едва ли мог жаловаться, так как был готов не задумываясь поглотить любую еду в поле зрения. Мои пять чувств медленно начинали становиться четче с каждым проглоченным кусочком пережеванной еды. Еда была не просто вкусной, она словно возродила меня из мертвых.

Допив последнюю каплю бульона, я поставил миску на стол. Удовлетворенный, я вновь открыл глаза и наконец-то смог в полной мере оценить прекрасный вид, представший передо мной. Это та картина, которую я пытался увидеть на протяжении, как мне казалось, вечности: мы с Карен, просто существуем в одном месте, вместе наслаждаясь нашими беззаботными жизнями.

— Как тебе? — спросила она, улыбнувшись. Это первый раз, когда я мыслю достаточно трезво, чтобы полностью признать ее как Карен, мою младшую сестру. Как только я это сделал, все эмоции, которые я сдерживал на протяжении стольких лет, вырвались наружу, накрывая меня, словно волны. Каждая была так похожа на то, какой я ее помню. И ее улыбка, и то, как она дышит, и все ее небольшие манеризмы, и даже каждый волосок в ее челке, качающейся из стороны в сторону после каждого небольшого движения головой. Внезапно мой взгляд затуманился, и я услышал, как капля воды звонко упала на пустую миску. Дамбу прорвало, и за первой каплей последовал нескончаемый поток слез. Слезы обжигали мои щеки, и я еле сдерживал себя от того, чтобы громко разреваться.

Затем Карен протянула ко мне руки и провела по волосам своими маленькими, мягкими пальцами.

— Ты так долго старался, братик.

В ее голосе слышалась материнская нежность, а слова словно излучали настоящее тепло, растопившее во мне нечто холодное и твердое.

Я кивнул. А затем снова. И снова.

Поблагодарив Карен за еду и помыв за собой посуду, я наконец-то смог немного успокоиться. Это был самый лучший обед, который я когда-либо ел. Мое сердце все еще трепетало от эйфорического удовлетворения.

— ...Эй, Карен.

— Да?

Теперь, когда я вновь находился в здравом уме, мне нужно было кое-что у нее спросить. Кое-что, в чем я должен был удостовериться, даже если ответ окажется неприятным.

— Ты... и правда настоящая Карен?

Карен тяжело вздохнула, положив локти на стол и уперев руки в подбородок.

— Опять ты об этом? Неужели ты и правда не можешь понять? Я же уже сказала тебе, что я... — начала она, а затем замолчала, изогнув губы в озорную улыбку. — А ты сам-то как думаешь, Каору? Я настоящая Карен или самозванка?

— Эй, не отвечай вопросом на вопрос.

— Но так гораздо интереснее! — Карен сверкнула клыками. И конечно же, мне было сложно злиться на нее, зная, что она просто веселится. — Ну что, Каору? Давай, скажи. Кто, ты думаешь, я на самом деле?

Кажется, у меня нет выбора, кроме как подыграть ей.

— Я думаю... — я сделал небольшой вдох. Карен смотрела на меня невинным взглядом, с нетерпением ожидая моего ответа. — Я думаю, что ты настоящая.

— Это твой окончательный ответ?

— Д-да.

— Ну и вот! И не заставляй меня говорить иначе.

Я ожидал услышать подобный разочаровывающий ответ, однако он все равно выдавил из меня тяжелый вздох. На удивление, я хорошо принял этот шуточный ответ и в итоге остался доволен им. В конце концов, нет никакого способа узнать наверняка, является ли эта Карен искусной подделкой, созданной туннелем, чтобы обмануть меня, как и четкого определения тому, что является «настоящим» в подобной сверхъестественной ситуации. Поэтому все, что мне остается, — это верить в то, во что мне хочется верить. Полагаю, это Карен и пыталась мне сказать.

— Ты права. Важно лишь то, что ты настоящая для меня... — согласился я, надеясь, что это будет больше походить на правду, если я произнесу это вслух.

— Ладно, хватит об этом! У нас есть арбуз в холодильнике, Каору! Давай поедим его!

— Звучит как план.

Решив, что беспокоиться по этому поводу бесполезно, я встал, и мы вместе направились на

кухню. Открыв дверь холодильника, я увидел, что внутри и правда стояла тарелка с нарезанным арбузом, обмотанным пищевой пленкой. На полке ниже лежало множество других сладостей, а также, как Карен и сказала, большой ассортимент напитков, в том числе несколько бутылок Черио и Лайфгарда. Я не знал, откуда она все это взяла, но что-то подсказывало мне, что спрашивать об этом бесполезно.

Мы уселись на веранде и впились зубами в сочный арбуз, чья ледяная мякоть выпустила сладкий нектар прямо в наши рты. Это лучший арбуз, который я когда-либо пробовал. Когда Карен начала выплевывать семечки во двор, я повторил за ней. Вскоре между нами развязалась полноценная война, пока мы пытались выяснить, кто сможет выплюнуть семечку на самое большее расстояние. Это было настолько весело, что у меня вновь потекли слезы.

— Ну же, Каору! С каких это пор ты стал таким плаксой? Разве не ты старший среди нас двоих?

— Да... Тут ты права, — ответил я, шмыгая. — Но ты не можешь винить меня. Люди, знаешь ли, плачут куда больше, когда становятся старше. Потому что они становятся гораздо сентиментальнее.

— Разве?

— Ага. Я уверен, что где-то читал об этом.

— Хм. Я думала, что люди становятся суровее, когда вырастают, — Карен качала ногами вперед-назад, свесив их с края веранды.

— Ну, бывает и такое. Я знал кое-кого очень сурового.

— Да? И что это за человек?

— Ох... С чего же мне начать?

Кстати, той, кто сразу же пришел мне на ум, была именно Андзу.

— Она самая красивая девчонка, которую я когда-либо видел, но при этом может в одиночку выиграть драку против кого-то гораздо сильнее ее. Однажды она пошла против очень страшного парня, который был больше и старше ее, но, даже когда он дал ей пощечину и начал пинать ее в живот, она не сломалась... Она сохранила спокойствие и выждала момента для ответной атаки. Вот такая вот она девчонка. Поначалу я ее даже немного побаивался, но, как только мы начали проводить время вместе, я понял, что если узнать ее получше, то на самом деле она чертовски милая...

— Ты влюблен в нее, Каору? — спросила Карен, смотря на меня широким взглядом, полным чистого любопытства.

Я положил свой недоеденный кусок арбуза на тарелку и устремил взгляд на океан.

— ...Да. Думаю, так и есть.

Карен издала пронзительный визг ликования, а затем под села поближе.

— Но если она так тебе нравится, то почему вы не встречаетесь?

— Ну, у нее много своих забот, на которых ей нужно сосредоточиться.

— Но ты ведь хочешь быть с ней, так? Разве тебе не одиноко быть здесь без нее?

— Ну... да, одиноко. Но видишь ли...

Карен уставилась на меня, полная внимания, ожидая мой ответ. Я не мог заставить себя проигнорировать ее вопрос или соврать.

— ...По правде говоря, я... Мне кажется, что мне не дозволено искренне любить такую, как она.

Лишь после того, как слова покинули мои губы, я осознал, что это, возможно, первый раз, когда я упомянул слово «любовь» по отношению к определенному человеку именно в романтическом плане, и при этом был абсолютно серьезен. Осознав это, я мог лишь застенчиво улыбнуться, пытаясь подавить смущение. Но мои слова не были пустыми. В конце концов, Карен умерла именно из-за моей небрежности. Более того, именно я послужил началом разлада в отношениях между матерью и отцом, в результате которого мать бросила нас, а отец опустил на самое дно. Я был бы весьма отвратительным и эгоистичным человеком, если бы проигнорировал всю боль и страдания, что я навлек на них, и ускакал в закат за собственным счастьем.

— Да, я знаю, что это звучит глупо, — продолжил я. — Не то чтобы кто-то заставляет меня нести это бремя. По большому счету я сам заставляю себя страдать. Это, наверное, единственное, с чем я по какой-то причине не могу смириться... Но как уж есть. Возможно, это слишком взрослая тема для твоего понимания.

— Не-а! — надулась Карен, нахмутив лоб. — Все я понимаю! Быть дозволенным это... как если бы тебе нужно было получить на справке роспись родителей, чтобы участвовать в школьной поездке, да?

— Ха-ха. Ну, можно сказать и так.

— Но разве тебе нужно разрешение, чтобы любить кого-то?

— Нет, я бы не сказал. Я думаю, что все рождаются с этим правом. Но я также думаю, что его можно потерять при определенных обстоятельствах... Это сложно объяснить...

— Хм-м-м... Ну, в таком случае я верну тебе это право!

Карен вскочила и убежала в коридор. Я услышал, как она быстро затопала по лестнице. Не прошло и минуты, как она вернулась на веранду, держа в руках пачку фломастеров и несколько белых листов бумаги.

— Это для чего? — спросил я.

— Хе-хе-хе... Смотри! ...А хотя, нет! Тебе пока нельзя смотреть! Отвернись!

Блин, да определись ты уже, ненормальная.

Тем не менее я сделал, как мне было сказано. Все, что я слышал, это звук громко скрипящих по бумаге фломастеров, который прекращался лишь время от времени, когда Карен вслух раздумывала о том, как пишется то или иное слово, либо когда она замечала ошибку. Когда я закончил есть свой недоеденный ломтик арбуза, она объявила, что мне наконец-то можно смотреть. Развернувшись, я увидел Карен, сидящую на коленях в формальной позе, положив руки на колени и поджав под себя пятки.

— Что ж! Позволь показать твое новое разрешение! — начала она, а затем вытянула перед собой лист бумаги и начала читать с него текст, который сама же и написала. — Кхем. Брати... То есть, Каору Тоно, в награду за весь проделанный тобой путь в попытках найти меня я дарю тебе право любить снова! В общем, поздравляю!

Она протянула мне лист бумаги, держа его обеими руками. Я взглянул на него и увидел слова «РАЗРЕШЕНИЕ ЛЮБИТЬ», написанные наверху большими округлыми буквами, вокруг которых было множество небольших красочных рисунков: цветочки, собачки и тому подобное. Это было очень мило. Однако я не смог протянуть руку и принять этот лист бумаги.

— В чем дело, Каору? Ну же, возьми его.

Я почувствовал приятную теплоту внутри себя. С того дня, когда мы потеряли Карен, я постоянно томился и горевал, терзаемый тем фактом, что я все еще жив, а она — нет. Я отчаянно хотел быть наказан за то, что не смог спасти ее, однако я не мог придумать ни одного способа искупить свою вину. Поэтому я просто отказывал себе даже в малейшем счастье, надеясь, что это сможет хотя бы немного сгладить мое чувство вины. Я был готов прожить так всю свою жизнь, словно монах, отрекшийся от мирских желаний. Однако теперь благодаря Карен я... Я...

Так вот оно что.

Все стало ясно. Во мне больше не было ни капли сомнений. Туннель Урашимы не может исполнять желания.

Все, что он может, это помочь вернуть утраченное.

Это является истинной сила туннеля. Сандалик Карен, наш старый попугайчик, дни, когда мы с моими матерью и отцом жили счастливой жизнью, даже сама Карен. А теперь и способность любить другого человека. Это все то, что я когда-то утратил, и туннель дал мне шанс вернуть их.

— Эм, Каору? Если он тебе не нужен, то я его выброшу.

— П-постой, нет! Он нужен мне. Правда, правда нужен...

Я резко протянул обе руки и взял Разрешение Любить. Когда я дотронулся до него, по моим пальцам, словно ток, пробежало волнение, которое затем распространилось сначала по моим рукам, а затем и по всему телу. Это простой лист бумаги, однако у него есть глубокое эмоциональное значение, которое невозможно оценить. Какое-то время я сидел совершенно неподвижно, наслаждаясь тем, что держал его в руках. Мне казалось, будто я наконец-то стал свободен после всех этих лет, проведенных в тюрьме самобичевания.

— ...Спасибо, Карен. Обещаю, я буду беречь его до конца жизни.

— Ага! Уж постарайся!

— И, эм... Прости, я знаю, что только пришел, но... — я застенчиво улыбнулся, снова надеясь, что это поможет мне хоть немного подавить невероятное смущение, вызванное моими следующими словами. — Мне кажется, что... я готов вновь попытаться полюбить кого-то.

Поднявшись в свою комнату, я обнаружил, что мой рюкзак лежал на полу в ожидании меня, словно Карен предвидела такой поворот событий. Я перебросил его через плечо и направился на кухню. Открыв холодильник, я взял оттуда достаточно еды для двоих и запихнул ее в большой карман. Теперь, когда, зная приблизительную длину туннеля, я мог сказать, сколько нам нужно взять еды и воды. Если никто из нас не получит травм на обратном пути, то мы сможем вернуться из туннеля без особых проблем. Мы были готовы выдвигаться в любую секунду. Я засунул Разрешение Любить в файл, чтобы не дать ему испачкаться, а затем положил его в рюкзак, после чего направился в гостиную.

— Эй, Карен, — позвал я, и она развернулась, все еще сидя на веранде и хомяча арбуз. — Давай уйдем отсюда. Вместе.

Я должен вернуть Карен в Козаки. Это было моей изначальной целью, даже если комфорт этого иллюзорного дома заставил меня ненадолго забыть об этом. Однако, пока мы оба не вернемся из туннеля в целости и сохранности, я не могу назвать свою миссию завершенной.

— Куда мы идем? — спросила она. — На пляж?

— Даже лучше. Мы пойдем туда, где есть океанариумы, зоопарки и множество других мест. Я отведу тебя куда угодно, но только не здесь.

— Но здесь есть океанариумы и зоопарки. И парки развлечений. И аквапарки. Здесь есть все, о чем ты можешь мечтать.

Я знал, что Карен говорит правду. Если здесь есть точная копия моего дома, то здесь может быть что угодно. Тем не менее для меня этого было недостаточно.

— Нет, Карен. Конечно, возможно, ты права. Может быть, в этом раю и правда есть все, о чем только можно мечтать. Но наше место не здесь. Мы должны вернуться в Козаки.

— Ни за что, — Карен откусила большой кусок арбуза, прожевала, а затем проглотила. — Я привыкла жить здесь. Не думаю, что я смогу вернуться в Козаки.

— Конечно, сможешь! — я упал на колени и уставился ей прямо в глаза, ударив кулаком по груди. — Обещаю, я сделаю так, что ты снова сможешь жить в Козаки. Я найду способ воплотить это в реальность, и я не позволю кому-либо встать у нас на пути.

Я знал, что Карен будет нелегко вернуться в общество, которое уже давно заклеямило ее мертвой. Однако я был абсолютно серьезен, и я уверен, что справлюсь. Ради Карен я способен на что угодно.

— Так что, пожалуйста, пошли со мной, — взмолил я.

Карен закончила есть свою дольку арбуза и положила ее на тарелку, после чего преувеличенно вздохнула, словно сорванец, которого поймали с поличным.

— ...Ла-а-адно. Уговорил.

— Отлично! Тогда идем! — воскликнул я, схватив Карен за руку, и направился к двери. Затем я кое-что вспомнил. — Блин! Время!

О боже.

Я был так увлечен Карен, что совершенно забыл о времени. Я был готов вот-вот рвануть в гостиную, чтобы проверить время... но быстро понял, что никакие часы не покажут, сколько времени прошло на самом деле с тех пор, как я вошел в туннель. Мне нужно проверить наручные часы, которые я надел в начале пути, однако их на моей руке не было. Где же они? Возможно, Карен сняла их, когда переодевала меня.

— Эй, Карен, ты, случайно, не знаешь, где мои часы?

— Ты про них? — Карен достала часы из кармана. Накрытый волной тревоги и облегчения, я выхватил часы у нее из рук и проверил время. Часы показывали полшестого, а зашел я в туннель в полночь. Насколько я помню, когда я проверил их последний раз, маленькая стрелка указывала на два часа, но я знал, что к тому моменту они уже сделали полный оборот, так что это означает, что в общей сумме прошло не пять с половиной часов, а семнадцать с половиной... Но даже так это показалось мне немного странным.

— Эй, Карен?.. Сколько я проспал после того, как добрался сюда?

— О, ты вырубился надолго. Наверное, где-то на полдня.

Я застыл. Если я проспал двенадцать часов, то это означает, что маленькая стрелка сделала два полных оборота и сейчас была на третьем, что означает... Я пробыл в туннеле целых тридцать часов. На моем лбу выступил холодный пот.

— М-мы должны уходить, сейчас же! Я пробыл здесь слишком долго!

Я схватил Карен за руку и поспешил к двери. Ступив за порог, моя нога сразу же погрузилась в песок. Дом стоял на границе между травянистым лугом и пляжем. В округе не было видно никаких дорог или электрических столбов. Полнейшая невозможность постоянного проживания в подобном месте лишь укрепила тот факт, что этот мир является иллюзией. Я быстро заметил небольшую хижину, через которую сюда и попал. Она стояла недалеко от дома. Мы шли по пляжу, пока не оказались перед старой деревянной дверью хижины.

— Что ж, Карен... Ты готова?

— ...Ага. — Она выглядела опечаленной, держась за низ своей майки, обеспокоенно устремив взгляд на землю.

— Все будет в порядке. Здесь нечего бояться. Дорога назад будет долгой, но я обещаю, что мы справимся.

Это не придало ей видимой уверенности. Тем не менее у нас не было времени просто стоять на месте. Часики тикали, секунда за секундой, час за часом. Полный решимости не терять ни секунды более, я протянул руку и медленно открыл скрипучую дверь. За ней находится крутой

склон, при подъеме по которому я чуть не умер, пытаюсь добраться до этого места. К счастью, обратная дорога будет не настолько изматывающей, хотя нам все равно следует быть осторожными, чтобы не споткнуться и не упасть.

— Что ж, пошли.

Я шагнул за дверь. И, как только я это сделал, Карен из-за спины обвила свои руки вокруг моей талии. Я взглянул через плечо, но не смог увидеть ее лица, так как она зарылась им в рюкзак. Я знал лишь то, что я стою по одну сторону двери, а она по другую, все еще утонув стопами в песке.

— Карен? Что случилось?

— У тебя есть кто-то, кем ты очень дорожишь, да?

— Да, и я больше не могу заставлять ее ждать. Поэтому нам и нужно уходить отсюда.

— Я так рада. Ты наконец-то готов двигаться вперед.

— ...Карен?

Ее маленькие ручки сжали ткань моей футболки.

— Ну же, Каору. Ты же знаешь, что я хочу сказать, так ведь?

В моей груди возникло неприятное чувство, сердце забилось чаще, а дыхание становилось все реже и реже. Я нахмурил лоб.

— ...Нет, Карен. Я правда не знаю. Почему бы тебе не сказать это вслух?

— Ну... думай об этом так. Рыбы-клоуны могут жить только в море. Если ты попытаешься бросить их в реку, то они задохнутся и умрут. Они слабы. Они только и могут, что прятаться в своих друзьях-актиниях* и наблюдать издалека за рыбами, которые больше и сильнее их самих. Как, например, лососи. Они могут жить и в океане, и в пресной воде. Они могут плыть против течения, а затем вернуться назад когда угодно. Блин, они могут даже подниматься по водопаду. И вдобавок ко всему этому они еще и очень вкусные.

— Ну, да. Тут ты права. Только я совсем не понимаю, как это относится к нам.

— Напрямую. Ты как лосось, Каору. А я? А я маленькая слабенькая рыбка-клоун, которая не может покинуть сво...

— Не говори такого! — крикнул я. — Ты Карен! Ты человек, а не лосось или рыба-клоун! Ты можешь идти куда хочешь. Так что, пожалуйста, не говори такого... Мне слишком больно это слышать...

Я потратил столько времени, и не в одном смысле, пытаюсь добраться сюда. Я не могу вернуться один.

— Все в порядке, Каору. Когда ты будешь нуждаться во мне, я буду прямо рядом с тобой... Так что, пожалуйста, — Карен отпустила мою футболку. — Не беспокойся обо мне. Иди и живи на полную. Как ты ей и сказал.

Она толкнула меня в спину. Нежно, но достаточно сильно, чтобы я потерял равновесие и вошел глубже в туннель.

— Карен! — закричал я, развернувшись на месте.

Но ее здесь не было. Как и какого-либо следа деревянной двери, или ослепляющего солнечного света, или белого песчаного пляжа, или даже запаха морской воды. Здесь был лишь бесконечный туннель, идущий в обе стороны. У меня было такое чувство, словно весь воздух был высосан из моих легких. Я начал углубляться в туннель, отчаянно пытаюсь снова найти дверь, за которой находится тот сказочный берег.

Затем я услышал голос в голове.

— Иди и живи на полную. Как ты ей и сказал.

Как я ей и сказал. Было очевидно, кого она имела в виду. Карен говорила мне перестать жить прошлым и устремить взгляд в будущее. Найти свое место в этом мире, рядом с Андзу. Это были последние слова моей младшей сестры.

— Н-н-нгх!..

Я схватился за голову, впившись ногтями в кожу. Я закрыл глаза так крепко, как только мог, однако слезы все равно вырвались наружу.

— Н-н-н-нгх!..

Небольшая часть меня знала, что все обернется именно так. В конце концов, истинная сила Туннеля Урашимы — это помочь вернуть утраченное. Он дал мне шанс увидеться с Карен, а также вернул мне право любить другого человека. Также он дал мне кое-что еще, чего я даже не заметил: силу взглянуть реальности в лицо. Силу оставить боль прошлого позади и начать жить настоящим. Но, чтобы это сделать, мне нужно смириться со смертью своей сестры, что шло против моей изначальной цели вернуться с ней из туннеля. Я должен сделать выбор.

Я уверен, что у туннеля нет собственной воли, и уж тем более злого умысла. Моя догадка состоит в том, что он создает утраченные вещи произвольно. Поэтому если подобное противоречие происходит внутри него, то, полагаю, это означает лишь то, что часть меня неосознанно уже решила принять реальность. Та часть, которая смирилась со смертью Карен. Этого следовало ожидать. Я просто не мог отпустить нить надежды, за которую я так долго держался. Надежда на то, что, возможно, однажды произойдет чудо, и те счастливые семейные деньки вернутся.

Конечно, это была наивная мечта. Но настало время забыть о ней. Я стиснул зубы так сильно, что мне показалось, будто они вот-вот треснут. Я напряг живот, изо всех сил стараясь запечатать нарастающие внутри меня эмоции, готовые вот-вот взорваться. Я запечатал их как можно глубже, а затем захлопнул крышку, запер их за семью замками и выкинул ключи. Затем, вытерев слезы с глаз, я закричал изо всех сил.

— Каре-е-ен! Я ухожу-у-у!

И на этом я развернулся и рванул к выходу.

— Хорошо. Люблю тебя, — услышал я у себя в голове.

ВСЕГО ПРОШЛО: 29 ЧАСОВ 35 МИНУТ (СНАРУЖИ: 8 ЛЕТ, 36 ДНЕЙ)

Я отчаянно бежал сквозь темноту, летя вниз по склону и как можно быстрее перебирая ногами. Неся за спиной тяжелый рюкзак, впивающийся лямками мне в плечи после каждого шага, я определенно уставал гораздо быстрее, чем если бы он был пустым, однако при этом я чувствовал себя куда спокойнее, чем когда я шел вглубь туннеля. Зная, что у меня достаточно еды и воды на обратный путь, я могу не беспокоиться о голодной смерти. На этот раз все зависит лишь от моей выносливости и от того, насколько быстро я смогу выбраться наружу.

Мое сердце билось так громко, что я слышал каждый его удар. После каждого шага мои колени пронзала боль, из-за чего я начал беспокоиться, что они могут треснуть и сломаться. Моя глотка пересохла от того, насколько активно я вдыхал и выдыхал. Все мое тело болело. Я выдохся. Тем не менее мне нельзя расслабляться. Возможно, в какой-то момент я позволю себе сделать небольшую передышку, но для нее еще слишком рано.

Андзу ждала меня снаружи, и я не мог дождаться вновь с ней встретиться. Если предположить, что она так и не попыталась войти в туннель, на данный момент ей должно быть двадцать пять лет. Я дал ей знать, что ей не нужно думать, будто она обязана ждать меня, и, полагаю, так она и сделала. Может, у нее уже есть парень. Может, она забыла обо мне. Да че уж там, может, она вышла замуж и завела детей. Но даже так. Я хочу знать, какую жизнь она вела на протяжении всех этих лет, что я провел, бегая по этой старой затхлой пещере. Однако больше всего я хочу прочитать всю новую мангу, что она нарисовала. Боже, сколько же всего я хочу сделать!

Сделав уверенный шаг, я ускорился. Я больше не чувствовал ни боли, ни усталости, так как мои надежды и мечты отлично их притупляли. Я надеялся, что этот прилив адреналина продлится достаточно долго, чтобы я смог добраться до выхода.

Но это было странно. У меня было такое ощущение, словно чем дольше я бегу, тем лучше я себя чувствую и тем быстрее я становлюсь. Однако это длилось недолго, потому что вскоре, пока я бежал вниз по склону, я споткнулся о собственную ногу и полетел вниз. Все вокруг меня кружилось, пока я катился вниз по крутому склону, ударяясь о каменистый пол после каждого кувырка. Перестал я катиться, лишь когда врезался головой в одну из колонн врат тории. Но даже так, я все равно встал на ноги и продолжил бежать. Затем что-то затекло мне в глаз. Думая, что это пот, я протянул руку, чтобы вытереть его, но мои пальцы окрасились красным. Очевидно, у меня шла кровь. Но я не обратил на это никакого внимания. Я продолжил бежать.

Мне нужно спешить. Мир больше не будет ждать меня. Мне нужно ускориться. А затем еще. Меня не волнует, насколько сильно я побит, сколько у меня синяков. Ничто не остановит меня. Ничто не встанет у меня на пути. Пока время движется вперед, я продолжу бежать. Даже если мои ноги откажутся двигаться, я продолжу двигаться вперед. Если потребуются, я буду ползти, скребя ногтями по земле, пока они не отвалятся.

— Гра-а-а-а! — закричал я. Я знал, что это лишь пустая трата энергии, но я не мог ничего с собой поделать. Мне нужно было выпустить бушующие внутри меня эмоции. Однако мои ноги отчаянно продолжали нести меня вперед, даже когда все поплыло, и я перестал понимать, куда иду. Я продолжал спотыкаться и падать, снова и снова. Однако каждый раз я сразу же поднимался на ноги. Что бы ни произошло, я отказываюсь сдаваться.

Я продолжаю бежать.

Я не знаю, сколько уже бегу. Не знаю куда. Не знаю зачем. Может, я преследовал что-то, а может, что-то преследовало меня. Я знаю лишь, что я бегу уже на протяжении долгого, долгого времени. И по сей день я все еще бегу, никогда не останавливаясь. Я продолжаю двигаться вперед, махая руками вперед-назад, несмотря на то, что мои ноги с каждым шагом все больше и больше покрываются синяками и волдырями... Или по крайней мере, я думаю, что движусь вперед. Но даже так, сколько бы времени ни прошло, я не мог достичь финиша.

— М-м-мгх...

Я проснулась с ужасной болью в шее. Отодрав правую щеку от холодной твердой столешницы, я подняла голову. Судя по всему, я уснула во время работы. Каждый мой сустав скрипел, словно я машина, отчаянно нуждающаяся в смазке. Я взглянула на электронные настольные часы. Время три утра. Встав со стула, я сделала небольшую растяжку, приятно хрустнув

поясницей. В воздухе моей тихой спальни витал сильный запах чернил и бумаги. Взглянув на огромные пачки бумаги, разложенные по всему письменному столу, я решила, что пора бы на сегодня закончить. Мне нужно будет прибраться, принять душ, а затем залезть в кровать ради полноценного отдыха. Однако перед этим я хочу закончить еще одну страницу. Размяв плечи, я снова села за стол, приложила ручку к бумаге и продолжила обводить чернилами карандашные линии.

В тот роковой день, когда Каору убежал без меня в Туннель Урашимы, я сразу же попыталась побежать за ним, даже после того, как прочитала оставленную им у входа записку. Я подумала, что даже если он и зашел в туннель на несколько дней раньше меня, то внутри это равноценно лишь нескольким минутам, так что я с легкостью смогу его догнать. Но кое-что остановило меня.

«Что бы ты ни хотела найти в этом туннеле — тебе это не нужно. Что тебе действительно нужно, так это стать именитой мангакой и как можно скорее».

Я добралась до границы, пролегающей за первыми воротами тории, но эта часть его записки была словно металлический шар, прикованный к моей ноге цепью, привязывающий меня ко внешнему миру и не дающий мне войти внутрь. В каком-то смысле, он словно наложил на меня заклятие, потому что теперь мне казалось, что если я не воспользуюсь этой возможностью стать мангакой, то предам Каору. Поэтому в конце концов я так и не смогла пойти за ним. Я должна была повернуть назад.

Когда я впервые прочитала эту записку, я осталась на удивление спокойна, однако, думая об этом сейчас, я попросту не могла полностью принять суровую реальность того, что меня оставили позади. В то же время, благодаря этому я смогла сохранить спокойствие и сделать правильное решение, так что в итоге все сложилось более-менее хорошо. Первое, что я сделала в тот день по возвращении домой, — это позвонила своему редактору, чтобы сказать, что я передумала, и что я хочу работать с ним. К счастью, несмотря на мое эгоистичное поведение, он сразу же согласился и даже сказал, что рад это слышать.

С того дня я полностью посвятила себя рисованию манги на профессиональном уровне. Но даже так я продолжала ждать. Ждать возвращения Каору.

До самого конца обучения в старшей школе Козаки я посылала редактору по почте все новые наработки, нарисованные в свободное от учебы время. Поначалу мои работы часто отвергали, и я проиграла несчетное количество конкурсов, но в конце концов мой тяжелый труд окупился, и я смогла выиграть один из них, и в результате мой ваншот опубликовали в журнале. Конечно, я была рада результату, но в то же время я не чувствовала себя поистине счастливой. Не то чтобы я не была довольна проделанной работой. Я просто была расстроена тем, что происходит в школе.

Казалось, все наши одноклассники совершенно забыли о Каору. Конечно, какое-то время он был центром внимания всего класса, как только перестал посещать школу и люди узнали, что он сбежал из дома, однако к третьему году все стали слишком заняты вступительными экзаменами и поиском работы, чтобы обсуждать эту тему дальше простого «Кстати, а что случилось с этим парнем?».

Это постоянно напоминало мне о том огромном первобытном страхе, который я испытала еще ребенком, когда увидела, насколько быстро все забыли о моем дедушке после его смерти. Это был первый раз, когда я испытала экзистенциальный кризис. Однако мысль о том, что я забуду о существовании Каору, пугала меня еще сильнее, поэтому я решила сохранить память о нем, думая о нем куда больше, чем кто-либо еще. Когда я закончила старшую школу, мой редактор предложил мне переехать в Токио жить у одного более известного мангаки, чтобы получить опыт в качестве помощника, однако я сразу же отказала ему, настояв на том, чтобы остаться здесь, в Козаки. Я сняла в городе небольшую односпальную квартиру, и вот так началась моя жизнь полноценной мангаки.

Конечно, оба моих родителя были яростно против того, чтобы я занималась карьерой мангаки вместо получения высшего образования. Они всегда были слишком серьезны в подобных вещах. Более того, моя решимость слишком сильна, чтобы они смогли остановить меня. Было слишком поздно. Я решила посвятить всю свою жизнь рисованию манги, прекрасно понимая, что из-за этого они, весьма вероятно, откажутся от меня. Я проводила каждую свободную минуту, создавая новые миры, персонажей и истории. И вскоре моя тяжелая работа принесла плоды. Всего лишь через год после окончания старшей школы я смогла заключить договор о своей первой сериализации. Вот тогда-то я и стала поистине занятой. Моя ежедневная рабочая нагрузка увеличилась в разы, а спала я раза в два меньше, чем во время учебы в школе. Однако насколько бы изнурительной ни была жизнь мангаки, она явно была хорошим средством, чтобы отвлечься от постоянной тревоги, колющей меня в грудь каждый божий час. Не прошло и дня, чтобы ужас незнания того, когда Каору вернется, не содрогал меня до глубины души.

Несмотря на невероятно требовательные сроки, я все же иногда находила немного свободного времени, чтобы сходить к Туннелю Урашимы. Обычно я просто сижу прямо напротив входа и начинаю бормотать себе под нос, либо же рассказываю о том, как продвигается работа над моей мангой. Время от времени я пытаюсь звать Каору. Это немного напоминает посещение чьей-то могилы, чтобы почтить их память, хотя я никогда не заходила настолько далеко, чтобы оставить у входа цветы. Однако я пишу ему записку каждый раз, когда прихожу к туннелю, в которой я рассказываю о последних событиях из своей жизни, а также оставляю в ней свои нынешние контактные данные, после чего засовываю ее в бутылку рядом со входом в туннель, уподобляясь ему. Хотя я ни разу не видела признаков того, чтобы он или кто-то еще открыл бутылку и прочитал хотя бы одну записку.

Скажи, Тоно-кун. Как долго я должна ждать?

Или же ждать тебя было ошибкой?

Я знаю, что нет смысла задаваться вопросами, на которые не будет ответа. Как только они покидали мои губы, эти вопросы оказывались поглощены бесформенной пустотой Туннеля Урашимы. Как и все остальное.

Спустя год после заключения моего первого договора о сериализации, моя манга наконец-то достигла своего апогея. У меня есть ясное видение концовки. Все, что мне нужно сделать, это писать главу за главой, приправляя их достаточным количеством предзнаменований, чтобы сделать финал как можно лучше. К счастью, я наконец-то смогла приспособиться к своему строгому графику публикации, и теперь у меня даже есть немного свободного времени, хотя это также означает, что я провожу больше времени, думая о Каору. Тяжелее всего было в жаркие месяцы. Они напоминали мне о том сказочном лете, когда мы с ним проводили вместе почти каждый день, и мы были друг для друга целым миром.

Это самые насыщенные, самые запоминающиеся месяцы моей жизни. Каждый день был полон новых захватывающих ощущений, новых приключений. Однако в последнее время воспоминания о тех днях лишь приносят мне резкую боль в груди, словно меня ударили ножом. И через эту рану в меня проникала тревога, медленно пожирая мое сердце.

Что если Каору уже давно выбрался из Туннеля Урашимы? Что если он в тайне от меня живет новой, счастливой жизнью? Что если он попросту больше не хочет иметь со мной ничего общего, и именно поэтому он так и не попытался связаться со мной? В конце концов тревога становилась настолько сильной, что мне казалось, что она вот-вот пробурит дыру в моей груди.

Прошло еще два года.

Моя первая серия манги наконец-то подошла к концу. Она не была прервана или урезана. Я смогла поместить на бумагу каждую частичку истории, что я хотела рассказать. Я также невероятно довольна тем, насколько хорошей вышла концовка. Это было идеальное заключение истории, каковым я его видела еще до того, как мою мангу даже начали издавать. Читателям она, кажется, также понравилась.

Однако мое депрессивное настроение так и не собиралось покидать меня. Теперь, когда я потеряла отдушину в виде сериализуемой манги, я начала блуждать в тумане. Меня словно сбили с рельс в ночные джунгли и оставили там одну, даже не дав мне четкого направления. Редактор сказал мне, что я должна начать заниматься наработками для новой манги. Конечно, это имело смысл. Как автор, когда я закончу рассказывать одну историю, я должна начать писать следующую. Это простой цикл жизни каждого профессионального мангаки. Однако хоть я теперь и была абсолютно уверена в своих навыках рассказчика, но я все еще не была уверена в том, что это то, чего я, человек по имени Андзу Ханаширо, хочу на самом деле. Проще говоря, я была растеряна и не знала, что мне делать дальше.

Должна я попытаться найти Каору или же нарисовать новую мангу?

Должна признать, на протяжении всех этих лет я иногда задумывалась о том, чтобы зайти в туннель и побежать за ним, даже несмотря на огромную фору. Однако каждый раз я вспоминала слова в его записке, после чего у меня возникало чувство, что я обязана полностью посвятить себя карьере мангаки. Это, а также простой страх покорения туннеля и его неразгаданной природы в одиночку, каждый раз заставляли меня передумать.

К тому же, как я уже сказала, Каору провел в туннеле уже немалое количество времени. По моим подсчетам, где-то около дня. Можно подумать, что этого должно быть достаточно, чтобы дойти до конца любого туннеля, если не брать в расчет какие-либо сверхъестественные махинации. Факт того, что он, насколько мне известно, все еще находится внутри, подразумевает, что с ним должно было произойти что-то поистине ужасное. Может быть, он попал в какую-то ловушку и не может выбраться из нее без посторонней помощи и поэтому умирает с голоду. Может, он наткнулся на какого-то ужасного монстра и был смертельно ранен. В моем разуме один за другим рисовались самые ужасные варианты развития событий, и с каждым «что если» моя грудь сжималась все сильнее и сильнее. Часть меня отчаянно хотела рвануть в туннель и помочь ему. Однако каждый раз, когда я подходила к первым вратам тории, я сразу же замирала от страха.

Я уже взрослый человек. Тот неуязвимый подросток пропал уже давным-давно. Теперь у меня есть реальная ответственность, а также мне нужно беспокоиться о своем здоровье и финансовой стабильности. Мысль о том, чтобы подвергнуть себя какой-либо опасности, поистине пугала меня. Но страшнее всего была мысль о том, что я войду внутрь и так и не найду Каору. Что если он вышел из туннеля и покинул Козаки, не сказав мне ни слова? В таком случае я бы пожертвовала всем успехом, что я достигла за все эти годы, абсолютно напрасно.

Я знаю, что мне следует попытаться забыть о Каору. Правда. Я знаю, что постоянно заикливаться на нем спустя целых пять лет попросту плохо для моего здоровья. Но даже так я не могла этого сделать. Даже спустя все эти годы несбывшихся надежд, каждый раз, когда мой телефон начинает вибрировать, часть меня все еще надеется, что это он. Каждый. Раз.

И поэтому я томилась в агонии, не способная ни пойти на поиски Каору, ни забыть о нем, пока за окном пролетали недели и месяцы. С каких пор я стала такой бесхребетной трусихой? Я завидую той бесстрашной девчонке, какой я была в прошлом, которая без каких-либо усилий или причины всегда могла оптимистично смотреть на вещи.

Дни шли один за другим, однако я все никак не могла придумать хорошую идею для своей следующей манги. И конечно же, я все еще не получила никаких вестей от Каору. Однако я получила приглашение сходить в кафе от давней подруги по имени Кохару Кавасаки. И вот, мы встретились напротив старого кафе в центре Козаки.

— Привет, Андзу! Давно же мы не виделись, да?

— Ага... Это точно.

Мы не виделись еще с выпускного. Какое-то время мы писали друг другу сообщения, но, как только моя карьера начала набирать обороты, даже это кануло в лету, и на данный момент мы не разговаривали уже почти целый год. Впервые увидев лицо Кохару за столь долгое время, я не могла не заметить, насколько мягче и дружелюбнее стала ее улыбка. Она уехала из Козаки вскоре после выпуска, чтобы поступить в училище и стать педагогом, и, по-видимому, нашла себе в городе работу учителя начальной школы.

Когда Кохару еще во времена старшей школы рассказала мне о том, что она хочет стать учителем, я была искренне удивлена. Причем настолько, что приняла это за шутку. И тем не менее она была серьезна. Она составила четкий план, проследовала ему до самого конца и теперь является полноценным учителем, как она и мечтала. Все то презрение, что я чувствовала к этой некогда плохой девчонке, полностью испарилось, и на его место пришло искреннее уважение.

Мы сразу же рассказали друг другу о последних интересных событиях в наших жизнях, а затем продолжили болтать ни о чем, когда нашу еду наконец-то принесли.

— Ты хорошо спишь в последнее время? — спросила Кохару в какой-то момент.

— Кто, я?

— Ага, у тебя огромные круги под глазами. Неужели ты все еще настолько занята, даже закончив свою мангу?

— Нет, не сказала бы. Просто в последнее время у меня проблемы со сном.

— Подожди, у тебя бессонница? Что-то сильно тебя беспокоит? Закончилось вдохновение? Не приходит никаких идей для нового сюжета?

— Ну, да. Не без этого, но...

— Постой. Это же из-за Тоно, да?

Я не знаю, что сказать. Я правда не ожидала, что Кохару догадается настолько легко. По какой-то причине она сделала мрачное выражение лица, а затем положила локти на стол и уперлась руками в подбородок.

— Боже, куда его только унесли черти?.. — задумалась она вслух.

Несмотря на все мое недовольство насчет Кохару во времена старшей школы, она была одной

из немногих среди моих знакомых, кто все еще беспокоился о внезапном исчезновении Каору даже после выпуска. За это я ее уважала.

— Каким же нужно быть неудачником, чтобы вот так вот взять и бросить такую девчонку, как ты, ничего при этом ей не сказав? Если я когда-нибудь снова увижу его глупую морду, то я начищу ему хлебало!

— Было бы неплохо. Он заслужил, — сказала я, усмехнувшись.

Затем мы продолжили есть в тишине, наслаждаясь приятным джазом, медленно играющим из колонок, висящих под потолком.

— Кавасаки? — спросила я невзначай, наматывая лапшу на вилку.

— М-м-м? Что такое?

— Если я скажу тебе, что подумываю о том, чтобы бросить свою карьеру мангаки и пойти искать Каору, то как бы ты на это ответила?

Руки Кохару замерли, а глаза расширились, уставившись на меня.

— Андзу... Ты же не хочешь сказать, что все еще влюблена в него, да?

— Ну...

— Слушай, я знаю, что не мне тебя судить, но ты не думаешь, что эта твоя одержимость зашла слишком далеко? Он просто взял и испарился, даже не удосужившись сказать нам, куда и почему. Уверена, что найдем мы его, только если он сам решит вернуться...

— Это да, но это не меняет того факта, что я все еще скучаю по нему, — ответила я, немного подняв голос. Я была абсолютно серьезна. Моей единственной проблемой является то, что моя манга почти настолько же важна для меня, как Каору.

— Ну... а тебе разве обязательно выбирать что-то одно? Разве ты не можешь искать его и в это же время рисовать мангу?

— Нет. Это невозможно. Это лишь помешает мне посвятить должные время и силы и на то, и на другое. Нет никого, кто достиг чего-то, оставаясь нерешительным.

Кохару с сомнением нахмурила лоб.

— Ты точно не выгорела, Андзу? Может, тебе стоит сделать небольшой перерыв, а затем подумать над этим со свежей головой...

— Я не могу! — крикнула я, наконец-то сорвавшись. — Я не могу остановиться. Я не могу даже замедлиться. Если я это сделаю, то тревога догонит меня. И, как только она догонит меня, все вокруг погрузится во тьму, и я больше не смогу мыслить здраво. И это пугает меня больше всего. Если я не занимаюсь ничем, на что могу отвлечься, то все эти навязчивые мысли парализуют меня. Хотя, наверное, это не имеет особого значения, так как каждый раз, когда я все-таки решаюсь что-то сделать, в итоге я все равно начинаю сомневаться, думая, сделала ли я правильный выбор...

Я свесила голову, прикрыв лоб обеими руками, а затем взмолила:

— Скажи, Кавасаки, что же мне делать?..

Я знала, что у нее нет ответа. Однако теперь я попросту больше не могла сдерживать все эти эмоции, копившиеся во мне на протяжении нескольких лет, и выпустила их все разом.

Кохару сделала большой глоток воды, прежде чем попыталась ответить.

— Прости, Андзу... но я правда не знаю, что сказать. Не мне это решать.

— ...Знаю. Прости, я не хотела портить настроение. Не волнуйся об этом, — я неловко улыбнулась в тщетной попытке сдержать смущение, а затем продолжила есть лапшу. По идее, она является самым популярным блюдом в меню, однако сейчас она казалась мне совершенно безвкусной.

— Но знаешь что? Это напоминает мне о нашем давнем разговоре, — сказала Кохару, чье выражение лица внезапно стало задумчивым. — Помнишь, когда ты ударила меня в лицо в школе, после чего ситуация немного вышла из-под контроля, и вы пришли ко мне, чтобы передать домашнее задание на лето? Помню, я сказала тебе, что хочу научиться быть такой же, как ты. Помнишь, что ты мне тогда сказала?

Я не ответила, и поэтому после небольшой паузы она продолжила.

— Ты сказала, что не существует правильного способа жить наши жизни. Все, что мы можем сделать, это выбрать путь, который подходит нам больше всего, а затем бежать по нему так быстро, как только можем, чтобы узнать, как далеко мы сможем добраться за то небольшое время, что нам отведено... По крайней мере, мне кажется, что ты сказала именно так. Возможно, я что-то где-то напутала, но я до сих пор ясно помню эти слова.

Внезапно губы Кохару изогнулись в широкой улыбке.

— Знаешь, они изменили мою жизнь. Так что я думаю, что если ты будешь следовать своим принципам и пойдешь по пути, который считаешь верным, то, возможно, в итоге все получится так, как ты того желаешь. Как оно было со мной.

Слова Кохару прозвенели в моих ушах, а затем и по всему телу. Глубоко в груди я почувствовала тепло, словно магма закипела в глубинах моего уставшего сердца, растворяя все сгустки тревоги, накопившиеся во мне за долгие годы. Я почувствовала, как бодрящая энергия возвращается в каждую клеточку моего тела. Энергия, которую я не чувствовала уже давно. Я прекрасно знаю, что это за странное чувство, потому что я была хорошо с ним знакома. Чувство, которое когда-то было неотъемлемой частью меня. Это была отвага. Бесстрашие.

— Да, я понимаю, что всего лишь даю тебе твой же совет. Я все еще без понятия, что бы я сделала на твоём месте, но... Погоди, Андзу? Ты в порядке?

Я не заметила, но по моим щекам безостановочно текли слезы.

— Кавасаки...

— Да?

— Мне кажется, ты что-то путаешь. Я уверена, что я никогда не говорила ничего настолько крутого. Либо ты очень сильно приукрашиваешь.

— Э?! Разве? О боже, как неловко... Прости, просто это было так давно, и...

— Нет, все нормально... Я ценю это, — я вытерла глаза теплым влажным полотенцем, принесенным официантом. Как я не поняла этого раньше? Я должна все это знать, но, судя по всему, я забыла собственные слова. — ...Боже, я такая дура.

Мне казалось, будто кто-то щелкнул выключателем. Мои глаза были широко открыты, и я вновь видела перед собой дорогу. Я схватила свою тарелку еды и поднесла ее к подбородку, а затем принялась заглатывать оставшуюся лапшу.

— А-Андзу?! Что на тебя вдруг нашло?!

— Вот! Я заплачу! — я достала из кошелька купюру в десять тысяч йен и резко положила ее на стол, после чего выбежала из кафе с полным ртом лапши. Я не могла больше терять ни минуты, потому что наконец-то кое-что осознала. Нечто очень важное. Я ничего не добьюсь, если буду просто ждать. Однако я не собираюсь бросать ни Каору, ни свою карьеру мангаки. Я не могу выбрать что-то одно. Поэтому мне просто нужно найти способ получить и то, и другое.

Я покорю Туннель Урашимы. Если я не найду Каору там, то, если потребуется, я обыщу каждый уголок земли. И, как сказала Кохару, параллельно с этим я продолжу рисовать мангу.

Пока я жива, ничто не сможет помешать мне рисовать мангу, если мое желание будет достаточно сильным.

Да, я знаю, что эта жадность вполне может обернуться лишь разбитым сердцем. Как говорится, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Но если тебе кажется, что у тебя нет выбора, кроме как погнаться за обоими зайцами, то тебе не остается ничего, кроме как научиться делать несколько дел одновременно. Но что, наверное, важнее — ты точно ничего не поймаешь, если будешь стоять на месте, ни на что не решаясь. Скорее ад замерзнет, чем я позволю себе бездействовать!

Каждая клеточка моего тела говорила мне одно и то же:

— Беги. Беги за ним так быстро, как только можешь.

Я почувствовала, как к моей голове прилила горячая кровь, и перед моими глазами начало проноситься множество воспоминаний из прошлого. День, когда я перевелась в старшую школу Козаки. День, когда я подралась с хулиганом из старших классов. Первый раз, когда я проследила за Каору вдоль железной дороги. День, когда мы с Кохару помирились. День, когда мы с Каору впервые взялись за руки внутри туннеля. Ночь, когда мы вдвоем пошли на фестиваль. День, когда он исчез, не сказав мне ни слова. Каждая секунда, что я провела с ним во время того скоротечного лета, толкала меня вперед, заставляя мои ноги нести меня как можно быстрее, пока я корила себя за то, что так долго ждала.

Ты слышишь, Тоно-кун? Потому что я уже в пути, и я найду тебя.

Я буду бежать как можно быстрее. И я найду тебя даже на краю земли.

Так что, пожалуйста, пообещай мне, что ты останешься в безопасности, пока я не найду тебя. Я скоро буду.

Прошло пять долгих лет с тех пор, как Каору вошел в Туннель Урашимы.

Настало время забежать туда и вернуть то, что принадлежит мне.

Ханаширо... Ханаширо!..

Раз за разом я продолжал звать ее, пока бежал по туннелю, выкрикивая ее имя у себя в голове после того, как я охрип настолько, что не мог издать хоть какой-то звук. Все мое тело горело. Я чувствовал, как кровь текла внутри каждого пальца. Мое сердце зывало к каждой клеточке моего тела, бившись все сильнее и сильнее, чтобы заставить их работать.

Ханаширо... Ханаширо!..

По-хорошему мои мускулы должны были уже давно отказаться, однако они продолжают даровать мне свои благословения, беспрестанно двигая меня вперед.

Ханаширо... Ты уже должна быть гораздо старше меня. Помнишь ли ты до сих пор то судьбоносное лето, что мы провели вместе еще в старшей школе? Знаешь, довольно забавно вспоминать о том, насколько неловким был наш первый разговор. Я сказал нечто настолько необдуманное, что любой другой человек бы оскорбился моими словами, но не ты. Однако по какой-то причине я заинтересовал тебя настолько сильно, что ты проследила за мной прямиком до Туннеля Урашимы, где мы впервые провели полноценный разговор. С тех пор мы были партнерами, у которых был волнующий секрет. И на протяжении нашего расследования я смог чертовски хорошо тебя узнать. У тебя было столько всего, о чем я всегда мечтал, столько всего, чего мне не хватало. Однажды ты сказала мне, что равняешься на меня, но с моей точки зрения именно я всегда равнялся на тебя. Ты сияла, как никто другой. С твоей интеллигентной грацией, жестокой честностью и всеми твоими очаровательными маленькими причудами ты стала первой, кто вновь привнес яркие краски в мой тоскливый монохромный мир за столь долгое время.

Именно поэтому я никогда не смогу забыть о тебе. Даже если ты уже забыла обо мне, я никогда не забуду ни тебя, ни те дни, что мы провели, бегая, словно ветер, под жарким летним солнцем. Тогда тебе было всего лишь семнадцать лет, так что, наверное, для тебя это кажется очень давними воспоминаниями, но для меня они все еще кристально чисты. Я всегда буду помнить об этих днях и держать наши воспоминания близко к...

Внезапно я почувствовал хруст в ногах, и они отказали. Очевидно, я наконец-то достиг своего предела и упал. Прямо на вершине огромного крутого склона. Мне нужно подготовиться к столкновению.

Но я не смог. Мне не хватило времени.

— Твою...

До того, как я успел поднять руки достаточно высоко, чтобы закрыть лицо, они приняли на себя жжение от удара о землю, и жгучая боль пронзила мои кисти. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы остановить мое тело, и, сделав полный оборот в воздухе, я рухнул на спину. Удар от падения выбил из моих легких весь воздух, и все, что я мог сделать, это издать жалкий, хриплый кашель. Однако я все еще не остановился и продолжал катиться вниз, пока мое изнуренное тело постоянно билось о...

Я почувствовал щелчок в голове, когда последняя нить оборвалась, и я наконец-то потерял сознание.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/78500/2590059>